

Устарел ли «Тартюф»?

ПРИНЕСЕТ ли нам сюрпризы нынешний театральный сезон Парижа? До сих пор он был отмечен триумфом двух авторов, триумфом, которому отнюдь не приходится удивляться... Брехт и Чехов... Французы научились их понимать и полюбили совсем недавно, в последние годы, но они наверстывают это запоздание горячими аплодисментами. Так, «Дядя Ваня» вошел в репертуар первого театра Франции — «Комеди франсез». Быть может, мы еще побеседуем о значении этого события театральной жизни в одном из последующих писем... Сегодня же я буду говорить не о том, что играют в «Доме Мольера», но о самом Мольере, о том, как ставят произведения гениального драматурга на других сценах, вне стен театра, с которым связано его имя.

В настоящее время два театра Парижа — из числа наиболее «парижских» — предлагают нашему вниманию новые постановки бессмертного «Тартюфа». Первый — Театр комедии на Елисейских полях. Второй — театр «Пале-Рояль», где до недавнего времени шли одни лишь водевили; на старости лет он вдруг решил стать серьезным.

Два «Тартюфа» одновременно. Что за находка! Ни одна комедия Мольера не пользуется такой всемирной известностью (во многих странах имя главного героя стало нарицательным). Кроме того, комедия эта, по правде говоря, всегда обладала огромной взрывчатой силой. С самого своего рождения «Тартюф» вызывал ярость церкви, которой удалось держать его в течение определенного времени под запретом. Позже, на всем протяжении истории Франции, великий раз, когда усиливалось влияние клерикальных сил, например в 1815 году, или во время разгрома Коммуны, или совсем недавно — при вишневском режиме, — «Тартюф» неизменно попадал под обстрел церковников.

В таком случае, скажем мы, какая же это хорошая идея! Поставить «Тартюфа» теперь, в 1961 году, когда церковь, которой покровительствуют нынешние власти, ведет у нас бесстыдные интриги, когда близ франко-испанской границы действует мощная католическая организация «Опус Деи», сильно напоминающая орден иезуитов, которому Мольер объявил войну 300 лет назад! Да, правда, какая это хорошая идея — вспомнить о «Тартюфе» именно сейчас, когда клерикализм так громко напоминает нам о себе... Радостно думать, что в постановке этой комедии участвуют такие замечательные актеры, как Жан Мейер и Франсуа Перье, а также один из виднейших драматургов современности Жан Ануиль. В этом плане нам нечего бояться разо-

чарования: исполнение «Тартюфа» в обоих театрах отличается большой тонкостью и непосредственностью.

И все же нас ожидает большая неожиданность: как в одном, так и в другом театре мольеровский текст истолкован более чем странно. Такое прочтение «Тартюфа» кажется мне весьма характерным для нынешней буржуазной идеологии. Именно поэтому мне и хочется рассказать об этих спектаклях.

Я прекрасно понимаю, что при постановке «Тартюфа» неизменно возникает целый ряд проблем. Комедия эта, текст которой Мольеру пришлось основательно перерабатывать, дабы добиться разрешения показать ее на сцене, имеет свои секреты. Образ самого Тартюфа многогранен. Может возникнуть вопрос: кто же он? Мелкий Маккиавелли или некая разновидность Распутина? А может быть, правы те, кто видит в Тартюфе черты и того, и другого?

Нам отлично известно, что произведение, столь глубокое, как «Тартюф», беспрестанно получает поворотные моменты, по мере того как изменяется жизнь. Но в каком ложном свете нам показали «Тартюфа» в Театре комедии на Елисейских полях!

Перед нами буржуазное семейство, живущее не в XVII, а в XIX веке.

Жермен ФАРЖ

(Гостиная обставлена в стиле Наполеона III, брат Оргона — в офицерской форме, а жених — в мундире студента Политехнической школы.) Ничто в декорациях не напоминает о религии. Совершенно очевидно, что постановщики постарались провести резкую грань между Тартюфом и церковью, показать, что между ними нет ничего общего. Зритель не должен ощущать связи между лицемерием и религией. Власть Тартюфа над Оргоном не проистекает из влияния католицизма на современников. Тартюф выступает как виртуозный мастер лицемерия, являющегося отличительной чертой его характера.

А ведь все истории, прогрессивные и реакционные, такие, например, как Антуан Адам и роялист Гаксотт, доказали в своих последних работах так ясно, как это не доказывалось еще никогда, что «Тартюф» — это точная картина нравов того времени, а главный герой произведения — типичный представитель мольеровской эпохи, когда духовные пастыри втирались в семьи, дабы ими командовать, а при случае и обирать.

Постановщики просто-напросто умышленно пренебрегли этими фактами, давно установленными. Играть эту комедию Мольера так, как ее играют в театре на Елисейских полях, — значит обратиться к Тартюфу лишь для

того, чтобы выхолостить его образ.

Что касается постановки театра «Пале-Рояль», она еще более любопытна.

До сих пор церковь не переставала метать громы и молнии против этого произведения Мольера. Спектакль «Пале-Рояль» показывает, что ныне церковь пробует другую тактику: она хочет обезвредить Тартюфа. Представьте себе, что перед началом спектакля на авансцене появляется самый настоящий священник в белой сутане, священник, покинувший свой монастырь, дабы объяснить зрителям, что честный католик может ныне смотреть «Тартюфа», не обрекая себя на адские муки. Священник объясняет, что в течение трех веков пьесу понимали абсолютно неверно. Тартюф, в сущности, самый обыкновенный интриган, а Оргон, его жертва, — человек предельно глупый, что и толкает Тартюфа на подлые выходы; следовательно, единственное, к чему стремился Мольер, — заставить нас посмеяться над глупостью Оргона. Священник сыплет софизмами, потирая руки и ележно улыбаясь.

Но потом начинается спектакль, мы слышим мольеровское слово... Все изменяется. И сколь бы ни был живуч клерикализм — как, например, во Франции, — ему все же не удастся «разминировать» «Тартюфа» — шедевр нашего Мольера.

ПАРИЖ, март.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

г. Москва

11 МАР 1961